

УДК 343.1

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС – КРИМИНАЛИСТИКА КАК СИСТЕМА
НАУК, УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН И СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

О. Я. Баев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 февраля 2012 г.

Аннотация: рассматриваются дискуссионные проблемы соотношения уголовного процесса и криминалистики как наук, учебных дисциплин и специальностей по номенклатуре, утвержденной Министерством образования РФ. Аргументируется позиция, что все они имеют общий объект исследования, в котором каждая из них вычленяет предмет своего изучения, совершенно строгое разграничение которых в названных науках, дисциплинах и специальностях с позиций системного подхода практически невозможно и нецелесообразно.

Ключевые слова: уголовно-судопроизводственная теория и практика, уголовный процесс, криминалистика, системный подход.

Abstract: the discussion of the relationship between the criminal process and criminology as a science, disciplines and specialties according to the nomenclature approved by the Ministry of Education. Argued the position that they all have a common object of study, in which each of these isolates the object of his study, it is clear delineation of which in these sciences, disciplines and specialties from the standpoint of a systems approach is practically impossible and impractical.

Key words: criminal-judicature theory and practice, criminal procedure, criminalistics, systematic approach.

В отечественной юридической литературе последняя широкая научная дискуссия по проблеме соотношения наук уголовного процесса и криминалистики, насколько мне известно, состоялась в последней трети прошлого века; к основным мнениям, в ней высказанным, я обращусь чуть позже. И вот некоторое время тому назад в «интернетном» издании появилась статья А. С. Александрова, изобличающая современную криминалистику в «семи смертных грехах», в «захвате» ею теории доказательств, статья эпатажная, во многом бездоказательная (местами просто нравственно некорректная)¹.

И все же она объективно оказалась полезной. Впервые за многие последние годы эта статья (может быть, вне зависимости от локальной цели, поставленной автором) побудила к необходимости на новом витке развития научного знания вновь серьезно поговорить о соотношении предметов указанных наук, учебных дисциплин и специальностей.

¹ Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики. URL: <http://uro-masp.livejournal.com/25801.html#cutid2>

Начну с тривиальной истины о функциональной направленности наук уголовного процесса и криминалистики. Состоит она в теоретическом осмысливании того, что делается в изучаемой той или иной из них области реальной действительности, в выведении в результате этого неких постоянных ее характеристик (закономерностей?). Каким образом на этой основе можно и следует, если не оптимизировать, то, как минимум, рационализировать деятельность профессионалов, «обслуживающих» эту область человеческой жизни? Как, простите за высокий «штиль», использовать эти достижения для целей людей, существующих в ней, вовлеченных в деятельность внутри нее, наконец, просто желающих пользоваться этими научными наработками в своих личных интересах?

Совершенно очевидно, что изначально деятельность по раскрытию преступлений (да простят меня за «гордыню» А. С. Александров и другие поддерживающее его мнение процессуалисты) – не была деятельностью уголовно-процессуальной (вспомним хотя бы расследование первого «знакового» преступления на земле – убийства Каином Авеля).

Ну, не было тогда государства, которое с момента своего возникновения – и в этом одна из основных функций любого государства – с лихорадочной спешностью устанавливает «правила игры», определяет, в частности, что должен и что не должен делать его гражданин, что есть преступление, его виды, какова ответственность за совершения каждого из них. Кто, и главное в изучаемом контексте, как и в каких формах должен устанавливать вину ослушников и приговаривать их к наказанию? Лишь после этого возникла уголовно-процессуальная деятельность как таковая, как одна из важнейших сфер существования и функционирования государства.

Именно это – потребность государства в необходимости теоретического обоснования устанавливаемых им прав, обязанностей и ответственности, научно-обоснованной рационализации уголовного судопроизводства, одной из наиболее существенных областей жизнедеятельности государства, – и предопределило первоочередное возникновение науки, именуемой в настоящее время наукой уголовного процесса.

«В отличие от уголовно-процессуального права, – совершенно верно замечает Н. П. Кузнецов, – наука уголовного процесса, как и правовая наука в целом, ничего не предписывает, не дозволяет и не запрещает (это компетенция государства, а не ученых. – О. Б.); она изучает, исследует соответствующие правовые явления»².

И в первую очередь, естественно, представители возникшей науки уголовного процесса изучали способы, методы установления в уголовном судопроизводстве истины, пытаясь обосновать и сформулировать, а затем и предложить государству наиболее целесообразные с их точки зрения средства достижения истины с учетом потребностей государства, чью уголовно-процессуальную правовую систему они осмысливали.

² Уголовный процесс России / под ред. З. Ф. Ковриги, Н. П. Кузнецова. Воронеж, 2003. С. 15.

Менялись эпохи, видоизменялись государства, их общественный и политический строй; соответственно менялись и методы избличения правонарушителей, методы расследования преступлений в рамках установленных государством видов и форм уголовного судопроизводства, изучение которых с теоретических позиций являлось объектом науки уголовного процесса с целью обеспечения государства средствами рационализации и оптимизации этой деятельности. Потому теоретики и полагали необходимым опосредовать их в законах, посвященных уголовному судопроизводству. Так, в недрах науки уголовного процесса и возникло учение о судебных доказательствах, в конечном счете, сформировавшееся в теорию уголовно-процессуальных доказательств / уголовно-процессуального доказывания, отвечающую, повторим, потребностям государства на определенном этапе его существования и развития.

Всегда, во всех уголовно-процессуальных системах любого государства доказывание – ядро уголовного судопроизводства; оно «является основой науки по собиранию, исследованию, проверке и оценке доказательств при реализации основной и неизменной задачи уголовного судопроизводства – установления преступления и определения наказания за его совершение. Проблема доказывания имеет непреходящее значение и со временем приобретает все большую остроту»³.

Лишь в таком контексте можно говорить о криминалистике как о науке, «вышедшей из недр уголовно-процессуальной деятельности и с самого начала имеющей своей главной задачей обеспечение эффективного выполнения требований уголовно-процессуального закона при расследовании преступлений путем их практической конкретизации»⁴.

Не ставя здесь перед собой задачи сколь-либо подробно освещать причины возникновения криминалистики (так же, как и историю ее развития)⁵, я лишь сошлюсь на слова известного философа П. В. Копнина, как нельзя точно, на мой взгляд, объясняющие феномен возникновения «смежных» наук: «Процесс образования научных дисциплин, – пишет он, – носит конкретно-исторический характер; длительное время система знаний развивается внутри какой-либо науки, а потом ее связи с другими теоретическими системами, входящими в нее, ослабевают, и сама она внутренне разрастается, вырабатывает свой язык и метод и, таким образом, становится самостоятельной областью знания, получает свое имя»⁶.

Вот таким же, естественным «конкретно-историческим» образом возникла и отпочковалась от науки уголовного процесса и наука криминалистика, имеющая с первой (в частности, с наиболее значимой в рассмат-

³ Дулов А. В., Рубис А. С. Основы формирования криминалистической теории доказывания. Минск, 2004. С. 3.

⁴ Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика : природа, система, методологические основы. М., 2009. С. 15.

⁵ Они подробно освещены в работах Ю. Торвальда, Р. С. Белкина, И. Ф. Крылова, ряда других исследователей.

⁶ Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 310.

риваемом отношении ее составляющей – теорией судебного доказывания) единое поле деятельности и изучения.

И, напомню, в этой связи практически сразу в юридической литературе возникла дискуссия о соотношении предметов науки уголовного процесса и науки криминалистики.

Также, не считая здесь необходимым излагать многие этапы этой научной полемики (новое, как известно, чаще всего – хорошо забытое старое), сразу обращаюсь к 1977 г., когда один из наиболее крупных отечественных криминалистов А. И. Винберг выдвинул (реанимировал? – О. Б.) положение, согласно которому наука уголовного процесса в части, относящейся к собиранию и исследованию доказательств, познанию закономерностей этого процесса (теория доказательств), составляет раздел науки криминалистики и потому должна изучаться в рамках общей теории последней⁷.

Данная гипотеза широко обсуждалась в печати, на различных научных и научно-практических конференциях. Свое мнение по этому положению высказали Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, В. Я. Колдин, Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов, И. Ф. Пантелеев и другие криминалисты и процессуалисты.

Основные возражения оппонентов А. И. Винберга сводились к тому, что закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств изучаются не криминалистикой, а уголовным процессом, точнее, теорией судебных доказательств.

Так, А. Н. Васильев, чью позицию в настоящее время всецело, как я понимаю, разделяет А. С. Александров, отказывая криминалистике в праве на изучение названных закономерностей, пришел к выводу, что теория доказательств является для криминалистики руководящим методом, а потому последняя есть (и иной быть не может) прикладная наука уголовного процесса⁸.

«Криминалистам, – суровым менторским тоном поучает А. С. Александров, – надо понять то, что теория не их удел, не надо браться за разработку таких вопросов, как природа судебной истины, критерии оценки истины, сущность доказательств и пр.; подобные вопросы решаются не с их инструментарием, а главное – не с их мировоззрением»⁹.

Таким образом, и в наши дни, в сущности, в рассматриваемом аспекте данная проблема может быть сформулирована следующим образом: теория доказательств *или* криминалистика, либо – и этой позиции я придерживаюсь – теория доказательств *и* криминалистика.

Теория доказательств и криминалистика имеют общий объект исследования: практическую деятельность по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, доказывание в уголовном суде-

⁷ См.: Винберг А. И. Теория доказательств в науке советской криминалистики // Сов. государство и право. 1977. № 12. С. 75.

⁸ См.: Васильев А. Н. Критические замечания о соотношении криминалистики и уголовно-процессуальной теории доказательств // Сов. государство и право. 1979. № 4. С. 88.

⁹ Александров А. С. Указ. соч.

производстве. В этом смысле доказывание в уголовном судопроизводстве – системный, междисциплинарный объект. Иными словами, теория доказательств и криминалистика изучают различные стороны, различные аспекты доказывания в уголовном судопроизводстве (первая – процессуальные, вторая – криминалистические) и разрабатывают соответствующие средства и способы оптимизации названного вида человеческой деятельности (процессуальные – теория доказательств, криминалистические – криминалистика) в рамках уголовного процесса.

А может быть, криминалистика изучает некие иные закономерности, чем теория доказательств?

Вот что писал в данной связи Г. М. Миньковский: «...теория доказательств изучает явления и закономерности, связанные с поведением людей в специфических условиях совершения преступления, причинные, временные и пространственные взаимосвязи этих явлений, общие закономерности отображения событий и действий на материальных объектах и в сознании людей. Дальнейшая детализация этих закономерностей, проявляющихся в конкретных условиях формирования отдельных разновидностей доказательственной информации, ниже того уровня общности, который положен в основу нормативного регулирования, выходит за рамки теории доказательств. Здесь начинается предметная область криминалистики»¹⁰.

Как видим, названные закономерности признаются предметом как теории доказательств, так и криминалистики. Разграничение здесь может быть проведено, по мысли автора этого положения, с точки зрения урегулированности результатов их проявления нормами права: что подпадает под действие уголовно-процессуальных норм – теория доказательств, что нет – относится к криминалистике.

Иными словами, что в уголовно-процессуальном законе, то наука уголовного процесса; что вне уголовно-процессуального закона, то – криминалистика (как всегда, в каждой шутке, в том числе и в этой – есть доля шутки).

С подобным мнением трудно согласиться. Закономерности как таковые объективны; они не могут изменить данного своего качества в зависимости от того, регламентируются ли результаты их проявления законом или нет. Кроме того, неясно, что именно надлежит относить к уровню общности, положенному в основу нормативного регулирования, ниже которого, как поясняет Г. М. Миньковский, начинается область криминалистики.

«Теория доказательств, – подчеркивает Р. С. Белкин, – исследует общие закономерности, определяющие условия формирования доказательственной информации, ее сохранения и переработки... Криминалистика исследует специальные, меньшей общности, более конкретные закономерности формирования доказательственной информации применительно к особенностям образования следов рук, ног, орудий взлома и т.д., восприятия и сохранения информации в памяти людей, в зависимости от внешних и внутренних условий»¹¹.

¹⁰ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 17–18.

¹¹ Там же. С. 29.

Здесь, следовательно, разграничение проводится в зависимости от уровня общности самих закономерностей, с чем, видимо, также нельзя полностью согласиться.

Уголовно-релевантная, потенциально-доказательственная информация – один из видов информации в целом. В результате совершения преступления возникают не доказательства как таковые в уголовно-процессуальном смысле, а информация, связанная с совершением преступления, с фактами изменения вследствие этого отображаемой реальности. Такая информация существует объективно, вне сознания лица, расследующего преступление. Ее возникновение, сохранение, возможности переработки подчиняются определенным объективным закономерностям. Лишь сознание следователя, его целенаправленная деятельность, обращение его к информации на основе познания как названных, так и закономерностей формирования доказательств, позволит выявить последние, придать информации доказательственную силу, включить ее в этом качестве (доказательств) в процесс доказывания¹².

В то же время самые общие закономерности возникновения, сохранения и переработки информации изучаются, конечно, не теорией судебных доказательств или криминалистикой. Они изучаются теорией информации, предмет которой составляют «законы и способы измерения, преобразования, передачи, использования и хранения информации <...> оптимальные и близкие к оптимальным методы передачи информации по каналам связи в предположении, что можно в широких пределах варьировать методы кодирования сообщений в сигналы на входе канала связи и декодирования сигналов в сообщения на выходе этого канала»¹³.

В сущности, и теория доказательств, и криминалистика изучают те же закономерности, но: а) относительно специфического вида информации – имеющей уголовно-релевантное значение, доказательственной; б) в специальных целях – для использования результатов их проявлений в процессе доказывания в рамках уголовного судопроизводства в установленных уголовно-процессуальным законом формах.

Но это еще не означает, будто теория доказательств или криминалистика – части теории информации или ее прикладные научные дисциплины.

Они – самостоятельные научные дисциплины, изучающие данные информационные закономерности каждая в своих целях, обусловленных направленностью и предметом своих исследований.

К примеру, теория судебных доказательств формирует, обосновывает и предлагает законодателю источники доказательств, порядок и условия производства тех комплексов познавательных и удостоверительных опе-

¹² Этот аспект доказывания очень убедительно исследован А. В. Дуловым. См.: Дулов А. В., Рубис А. С. Указ. соч. С. 49–60.

¹³ Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 210; Энциклопедия кибернетики. Киев, 1975. Т. 1. С. 395.

раций, посредством которых доказательства формируются (главным образом, действий следственных и судебных).

Криминалистика – на основе познания тех же закономерностей формирует, обосновывает и предлагает правоприменителям технические, тактические и методические приемы и рекомендации по осуществлению информационно-познавательной деятельности в рамках правоотношений, установленных на определенный временной интервал уголовно-процессуальным законом, в рамках порядка и условий формирования доказательств, им же предусмотренных применительно к каждому источнику доказательств.

Более того, не только не исключено, а является традиционным то, что отдельные общие закономерности, связанные с возникновением, сохранением и переработкой информации, выявленные теорией информации и другими науками, могут изучаться криминалистикой непосредственно, минуя стадию изучения их теорией доказательств. Последняя научная дисциплина может обратиться к ним позднее с целью решения вопроса о допустимости и эффективности использования результатов их проявления в уголовном процессе и при необходимости – для обоснований предложений законодателю о способах и формах правовой регламентации их применения в доказывании.

Таким образом, по моему мнению, главное при разграничении предметов криминалистики и теории доказательств, по всей вероятности, не столько в степени общности закономерностей, ими исследуемых, сколько в целях их изучения этими научными дисциплинами.

Целью изучения информационных закономерностей теорией доказательств является учет их самих и результатов их проявления в возникновении и развитии норм доказательственного права, его институтов и систем¹⁴.

Даже закономерности отражательных процессов на этапе формирования первичных следов преступления, – отмечает А. В. Победкин, – далеко небезразличны для науки уголовного процесса, «поскольку их характер и особенности являются основой для формирования адекватной процессуальной формы собирания доказательств»¹⁵.

Более того, по мнению этого автора, предметом теории доказательств «как минимум, являлись и закономерности формирования следов»¹⁶. В то же время, что очевидно, эти закономерности, в первую очередь, являются предметной областью науки криминалистики.

На этой основе, как верно замечает В. Я. Колдин, «теория судебных доказательств исследует процесс доказывания как динамическую систему правоотношений, регулируемых принципами и нормами уголовно-процессуального права»¹⁷. Иными словами, теория доказательств изучает

¹⁴ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 28.

¹⁵ Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 25–26.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Колдин В. Я. Предмет криминалистики // Сов. государство и право. 1979. № 4. С. 93.

общественные отношения, связанные с уголовным судопроизводством (возникающие в связи с ним).

Но процессуальные отношения не охватывают и не могут охватить всей многогранной, далеко не инвариантной деятельности по собиранию, исследованию, использованию и оценке доказательств. Она может осуществляться по-разному в рамках одной и той же процессуальной системы, одних и тех же процессуальных правоотношений.

Подобно тому, как, скажем, теория шахматной игры не в состоянии формализовать все возникающие и могущие возникнуть в практике игры ситуации, так и теория доказательств не может облечь в форму соответствующих правоотношений весь процесс доказывания, формализовать всю информационно-познавательную деятельность по расследованию преступлений. А именно она – информационно-познавательная деятельность лица, осуществляющего уголовно-процессуальное исследование преступлений, – есть предметная область науки криминалистики.

Социальная и государственная потребность (необходимость) в познании структуры информационно-познавательной деятельности в данной специфической области, регулируемой процессуальными правоотношениями, на основе осмысления закономерностей, которым она подчиняется, в создании рациональных соответствующих уровню правосознания общества средств и способов этой деятельности, по большому счету, и составляет предмет науки криминалистики.

Сводить же криминалистику лишь к «технологической» области знаний, изучающей и обобщающей криминальную, следственную, экспертную практику, новые возможности естественных, технических и общественных наук (как то в свое время предлагал И. Ф. Пантелеев¹⁸, идею чего сейчас, по существу, пытается реанимировать А. С. Александров), по моему убеждению, методологически неверно.

Ущербность этого положения в следующем.

Прежде всего, если какая-либо область знания не поднимается до осознания и исследования закономерностей собственного функционирования, то она не вправе именоваться наукой. Иначе это не система, а конгломерат знаний, не имеющий системной общности. Криминалистика изучает криминальную, следственную и другую практику с единственной целью: открыть (а не создать!) закономерности возникновения, переработки и использования потенциально доказательственной информации и на этой основе оптимизировать информационно-познавательный процесс доказывания.

Следовательно, криминалистика изучает закономерности возникновения, сохранения, переработки информации, результаты их проявлений при доказывании, но в *иных целях*, чем теория доказательств – в целях оптимизации средств и способов информационно-познавательной деятельности при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде.

¹⁸ Пантелеев И. Ф. Предмет криминалистики и смежные науки // Сов. государство и право. 1981. № 10. С. 83.

Нет, однако, сомнений в том, что наука уголовного процесса раскрывает, в каких формах, посредством каких процессуальных и следственных действий осуществляется информационно-познавательная деятельность при доказывании.

И в связи с этим я с большой настороженностью отношусь к предложениям некоторых процессуалистов (заметьте, именно процессуалистов, а не криминалистов, что было бы, на первый взгляд, логичней) о необходимости отказаться от законодательно установленного исчерпывающего перечня средств доказывания и их источников. Достаточно, считает, например, А. Р. Белкин, установления «в законе примерного перечня источников доказательств наряду с детальной регламентацией тех требований, которым они должны удовлетворять. При соответствии этим требованиям вопроса о допустимости источника доказательств и соответственно содержащихся в нем доказательств ни в теории, ни в практике не возникнет»¹⁹.

Думаю я, что принятие такого предложения с логической неизбежностью привело бы к размыванию процесса доказывания по уголовным делам и глобальным нарушениям при этом прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Во-первых, даже в настоящее время, когда ст. 164 УПК РФ устанавливает общие правила производства следственных действий, а основания для производства и порядок осуществления каждого из них достаточно подробно регламентированы в УПК, такие нарушения носят широко распространенный характер.

Во-вторых, составление какого-либо законодательно установленного перечня критериев допустимости средств доказывания в силу неисчерпаемого разнообразия следственных и судебных ситуаций практически невозможно.

В-третьих, наконец, уже предпринятая законодателем попытка неким образом ввести такой критерий применительно к такому наиболее распространенному следственному действию, как допрос, наглядно показала уязвимость и опасность такого подхода.

Здесь я имею в виду положение, заложенное в ч. 2 ст. 189 УПК, гласящее: «Задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса». Не говоря уже о том что в этом указании использована «чисто» криминалистическая, а не процессуальная категория (причем взгляды криминалистов на сущность тактики, как известно, весьма различны), оно может быть расценено как некая индульгенция для правоприменителей для использования всех других тактических приемов допроса, в которых не содержатся наводящие вопросы, даже при том, что они сами по себе не отвечают другим критериям допустимости тактики этого следственного действия.

¹⁹ Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 246.

Однако процессуальная форма доказывания, как и любая форма вообще, имеет смысл, если она содержательна. Содержанием же ее (разумеется, лишь в рассматриваемом плане) является информационно-познавательный аспект процесса доказывания: выявление того, как должно осуществляться доказывание в рамках определенных процессуальных форм, уголовно-процессуальных отношений.

Можно в полном соответствии с уголовно-процессуальным законом произвести осмотр места происшествия, допросы свидетелей и подозреваемых, провести очные ставки и другие действия, в форме которых осуществляется доказывание и... даже не приблизиться к установлению истины по данному уголовному делу. Здесь процессуальная форма расследования будет полностью соблюдена, но ее информационно-познавательное, криминалистическое содержание окажется выхолощенным.

Соблюдение всех процессуальных предписаний без наполнения их криминалистическим содержанием – еще не расследование, не исследование преступлений²⁰.

Более того, я возьму на себя смелость утверждать, что в материалах любого уголовного дела чаще всего отражается не сама информационно-познавательная (криминалистическая) деятельность как таковая, а ее результаты, выраженные в процессуальной форме, в форме процессуального судебного доказывания. Сама же эта деятельность – подводная часть айсберга, в качестве которого выступает судебное доказывание. А без мощной подводной части – любой айсберг переворачивается и раскалывается...

Здесь я позволю себе привести достаточно обширную цитату из работы А. В. Дулова, как нельзя лучше, по моему мнению, выражающую по существу ранее сформулированное положение. «Доказательственное право, – пишет он, – учит, как оценивать конкретные факты, как их сопоставлять; систему фактов, которые в совокупности и устанавливают событие совершенного преступления. Однако есть и еще одна сторона, которая остается за пределами доказательственного права, – это умение находить факты, важные для установления истины по уголовному делу. Какие действия для этого надо совершить? На первый взгляд, кажется, что на данные вопросы можно получить ответы в уголовно-процессуальном праве. Однако это далеко не так. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает форму, в которую должны быть облечены совершаемые действия, а то, из чего должна складываться сама деятельность, требует дополнительного изучения.

Правовая регламентация деятельности обязательно должна дополняться (и базироваться) на изучении самого ее содержания. Мало знать, как оценивать, сопоставлять факты, прежде всего их надо отыскать. Необходимо создать теоретические основы поиска доказательственных фактов. Задачу разработки научных основ выявления, розыска, фиксации

²⁰ На это более восьмидесяти лет назад обращали внимание первые советские криминалисты. См.: Громов В., Лаговьер Н. Искусство расследования преступлений. М., 1927. С. 130–131.

фактов, необходимых для установления преступления, также призвана решать криминалистика»²¹.

Тот же бесспорный факт, что отдельные способы, методы (средства), используемые в доказывании, и порядок их реализации, как уже отмечалось, регламентированы уголовно-процессуальным законом, никоим образом не меняет их качественной характеристики. Они обязательны для субъекта уголовно-процессуального исследования преступлений не только потому, что закреплены нормами права, но и потому, что, по мнению законодателя, оптимальны с точки зрения всесторонности, объективности и полноты доказывания для всех возможных ситуаций расследования в существующей правовой системе конкретного государства на определенном этапе его развития.

Я всецело солидарен с В. Я. Колдиным в том, что «в тех случаях, когда информационно-познавательные процессы становятся предметом правового регулирования, происходит пересечение, но не совпадение предметов рассматриваемых наук (уголовно-процессуальной и криминалистики. – О. Б.)»²².

«Уровни доказывания», «алгоритмы», «методики» и пр., – интонациями старшего брата поучает А. С. Александров, – все, с чем носятся криминалисты как некими «объективностями», есть производное от структуры уголовного процесса. Изменится структура (предположим) досудебного производства, – торжествует он, – и весь рой криминалистических построений относительно доказывания (типа пресловутых «уровней») превратится в хлам»²³.

Вряд ли все это так линейно, как полагает этот автор, да и в целом верно. Общеизвестны (и потому здесь не приводятся) примеры законодательного перечня источников доказательств под влиянием обоснования криминалистами гносеологической, информационно-познавательной сущности отдельных комплексов познавательных операций, значимости их результатов для доказывания.

*«Рекомендации криминалистики, – справедливо отмечают Н. П. Яблоков и А. Ю. Головин, – не только конкретизируют, но порой и восполняют процессуальные нормы в таких следственных ситуациях, которые не предусмотрены законом, но требуют законных и обоснованных решений. В этих случаях и рождается комплекс тактических приемов, реализуемых впоследствии в самостоятельное следственное действие»*²⁴.

Я лично убежден, что одной из задач преподавания курса уголовного процесса в юридических вузах (как минимум, в части изучения проблем доказывания) является раскрытие гносеологического, информационно-познавательного содержания процессуальных предписаний, касающихся

²¹ Криминалистика / под ред. А. В. Дулова. Минск, 1998. С. 7.

²² Колдин В. Я. Указ. соч. С. 81.

²³ Александров А. С. Указ. соч.

²⁴ Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика : природа, система, методологические основы. М., 2009. С. 16.

ся порядка и условий производства следственных действий, предусмотренных УПК. Почему, например, запрещена постановка при допросе наводящих вопросов, почему лиц или предметов, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех, и т.п.?

Увы, в учебной уголовно-процессуальной литературе эти проблемы, как правило, не рассматриваются; авторы лишь ограничиваются добро-совестным перечислением этих предписаний.

Возьмем для иллюстрации этого тезиса лишь несколько примеров из учебников разных авторов, опубликованных, заметим, «один за другим» одним и тем же уважаемым издательством.

В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин в учебнике «Уголовный процесс» (М.: Эксмо, 2008) относительно предъявления для опознания живого лица пишут: «Лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности сходными с ним. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех»²⁵.

«В целях «чистоты» опознания, – пишет С. Б. Россинский в учебнике «Уголовный процесс» (М.: Эксмо, 2009), – объект предъявляется опознающему лицу совместно с другими однородными ему объектами. Причем общее количество предъявляемых для опознания объектов не может быть менее трех»²⁶.

Заметим, что и в учебниках криминалистики, к сожалению, чаще всего, процессуальные предписания, касающиеся производства отдельных следственных действий, лишь перечисляются, но никоим образом их авторами не комментируются, информационно-познавательный смысл их не раскрывается²⁷.

Вряд ли такое «переписывание» положений УПК позволит будущим следователям, прокурорам, судьям избежать ошибок при их практическом применении. Дело в том, что, как говорил еще А. В. Суворов, «каждый солдат должен понимать свой маневр»; а для правоприменителей в области уголовной юстиции их маневры – осознанное выполнение предписаний закона, чему, к сожалению, как это видно даже из приведенных цитат, авторы учебников по уголовному процессу и криминалистике практически не учат.

Итак, поставленная выше дилемма должна быть решена в пользу тезиса «криминалистика и теория доказательств». Отстаиваемый подход к соотношению указанных наук дает возможность характеризовать их как подсистемы, входящие в более обширную систему «криминалистика – теория доказательств»; использовать при ее изучении системный подход и, следовательно, распространить на нее такие основные принципы системного подхода, как целостность и изоморфизм.

²⁵ Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Указ. соч. С. 445.

²⁶ Россинский С. Б. Указ. соч. С. 402.

²⁷ К примеру: применительно к изучению тактики предъявления для опознания так они перечислены в учебниках: Криминалистика / под ред. Е. П. Ищенко и В. И. Комиссарова. М., 2007. С. 292 ; Дранкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика : учебник. М., 2011. С. 314–315.

Рассмотрение криминалистики и теории доказательств в качестве системы, во-первых, обязывает к анализу процессуальных и криминалистических проблем доказывания в их взаимосвязи и взаимообусловленности, в том числе в части исследования информационных закономерностей, процессуальных и криминалистических методов, средств и способов доказывания, основанных на познании этих закономерностей.

В конце концов, позволю себе высказать несколько, может быть, «кромольную» мысль: для практики доказывания не столь важно, какая из данных наук обладает приоритетом исследования определенных закономерностей, которым эта деятельность подчиняется.

Главное, что обе они обслуживают один объект – доказывание в уголовном судопроизводстве, направлены – каждая со своих позиций и в пределах предмета своего изучения – на оптимизацию доказывания. Во-вторых, такой подход обуславливает необходимость при разработке способов доказывания использовать основные положения, созданные «внутри» каждой из названных подсистем.

Истинность того или иного утверждения, жизнеспособность сконструированной системы должны проверяться с позиций практики. В понятийном аппарате системного подхода это положение трансформировано в один из основных принципов исследования систем: «сверху – вниз» (замысел, анализ, выделение компонент) и «снизу – вверх» (от выявления свойств компонентов к свойствам системы как целого)²⁸. Верно ли с этих позиций сконструирована система «криминалистика – теория доказательств»?

Если говорить о проверке в первом из указанных направлений, то собственно процессуальное (в узком смысле) доказывание неразрывно связано с информационно-познавательной деятельностью. Разрабатываемые криминалистикой методы, средства и способы реализуются в рамках процессуальных и следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и исследуемых теорией доказательств. Проведение же их без использования средств, методов и способов криминалистики бесцельно для доказывания и установления истины по уголовному делу.

Если же говорить о проверке истинности системы во втором направлении – для анализируемой системы это, видимо, плодотворность исследований ее проблем, – то большинство из них на высоком научном уровне проводится совместно процессуалистами и криминалистами.

Таким образом, проверка практикой подтверждает правильность и полезность создания системы «криминалистика – теория доказательств», ее реальное существование и жизнеспособность.

Экстраполируя на рассматриваемую проблему мысль Р. С. Белкина, высказанную им о соотношении криминалистики и теории оператив-

²⁸ Проблемы программно-целевого планирования и управления / под ред. Г. С. Поспелова. М., 1981. С. 16–17.

но-розыскной деятельности²⁹, можно сказать, что отношения подчиненности – либо криминалистики теории доказательств, либо теории доказательств – криминалистике (на первом настаивают А. С. Александров и ряд поддерживающих его мнение ученых) – должны смениться отношениями равноправного партнерства (взаимодействия).

«Система, – подчеркивают специалисты в области системного подхода, – это нечто такое, что в результате взаимодействия своих частей поддерживает свое существование и функционирует как единое целое». И далее они уточняют: «Поскольку свойства системы присущи только ей самой, но не ее частям, то стоит разделить ее на части, как эти свойства исчезнут... Разделив систему надвое, мы получим не две меньшие, а одну недействующую»³⁰.

Предположения (а они время от времени высказываются в литературе) о том, что подобный «симбиоз» приведет к дублированию в научном и дидактическом планах, мне убедительными не представляются. Они лишь подтверждают необходимость более тщательной координации процессуальных и криминалистических исследований, преподавания данных научных дисциплин.

Я убежден в следующем. Процессуалисты и криминалисты – не соседи по кухне в коммунальной квартире с неизбежными в этой ситуации сварами о том, кто на ней хозяин (в которые нас пытаются вовлечь А. С. Александров и ряд поддерживающих его мнение авторов); процессуалисты и криминалисты – игроки единой команды на поле, именуемом уголовным судопроизводством.

И в заключение еще об одной проблеме.

В одной из своих предыдущих статей о соотношении уголовного процесса и криминалистики я писал (прошу прощения за самоцитирование): «Меня в очень незначительной степени интересует специальность 12.00.09 как таковая (судьбой которой столь озабочен А. С. Александров), сконструированная ВАК по совершенно невнятным основаниям и по ним же изменяемая. Вдруг захотел этот, в сути своей, административный орган исключить из перечня составляющих эту специальность научных дисциплин судебную экспертизу – и сделал это; счел необходимым включить в него оперативно-розыскную деятельность, и пожалуйста, есть она в этом перечне. Меня интересует не эта «ваковская» специальность, а состояние названных выше наук, их между собой соотношение»³¹.

Я ошибался в своей незаинтересованности судьбой этой специальности. Недавно уже произошедшее разделение ее на уголовный процесс, сохранивший тот же номер в номенклатуре ВАКа, и на специальность

²⁹ См.: Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 201 ; см. об этом также: Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 2005. С. 133.

³⁰ Джозеф О Коннор, Иан Макдермотт. Искусство системного мышления. М., 2006. С. 20, 35.

³¹ Баев О. Я. Криминалисты и процессуалисты : соседи по коммунальной квартире или игроки одной команды? // Библиотека криминалиста. 2012. № 1 (2). С. 175.

12.00.12, включившую в себя криминалистику, оперативно-розыскную деятельность и судебно-экспертную деятельность, чревато далеко идущими крайне негативными последствиями для обеих этих наук.

Во-первых, это резкое сокращение диссертационных советов по каждой из названных специальностей (вряд ли в стране найдется сколь-либо значительное количество вузов, в составе которых на постоянной основе работают не менее 10 докторов наук: 5 процессуалистов и 5 криминалистов, что необходимо в соответствии с Положением о диссертационных советах для сохранения в них обеих специальностей).

Во-вторых, это с логической и очевидной неизбежностью неукоснительно приведет к существенному сокращению подготовки диссертаций по одной из этих специальностей.

В-третьих – будем реалистами (я не желаю никого персонально обидеть), очевидно, что такая ситуация – как и любой дефицит – выступает в качестве серьезного коррупционного фактора...

Изучать уголовный процесс и криминалистику в отрыве друг от друга – и как наук, и как учебных дисциплин, и в рамках подготавливаемых диссертационных исследований – все равно, что пытаться нарисовать прямоугольник одной линией – либо без длины, либо без ширины.

Воронежский государственный университет

Баев О. Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАН, заведующий кафедрой криминалистики

E-mail: baev@law.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 220-85-14

Voronezh State University

Baev O. Y., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Academician, Head of the Criminal Department

E-mail: baev@law.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 220-85-14